АЗБУКА ВЕРЫ

Преподобноисповедница Фамарь (Марджанова)

Преподобноисповедница Фамарь (Марджанова) – материал раздела «Мой путь к Богу» православного портала «Азбука веры».

Оригинал и другие материалы: azbyka.ru/way/prepodobnoispovednica-famar-mardzhanova

«Азбука веры» – некоммерческий просветительский проект, все материалы которого доступны бесплатно. Поддержать портал: azbyka.ru/kak-pomoch

Преподобноисповедница Фамарь (Марджанова)

Схиигумения Фамарь, в миру княжна Тамара Александровна Марджанишвили (Марджанова), родилась 1 апреля 1868 года в Грузии. После кончины родителей она приняла постриг в монастыре святой равноапостольной Нины в Бодби с именем Ювеналия. В 1905 году указом Святейшего Синода она была назначена настоятельницей Покровской женской обители в Москве. В 1910 году ее заботами началось строительство Серафимо-Знаменского скита под Москвой, где в 1915 году она была пострижена в великую схиму с именем Фамарь. В 1924 году скит был закрыт. В 1931 году схиигумению Фамарь с двумя сестрами ее обители арестовали и приговорили к ссылке в Иркутскую область. После окончания срока ссылки она, уже тяжело больная туберкулезом, вернулась в Москву и 23 июня 1936 года отошла ко Господу.

22 декабря 2016 года Священный Синод Грузинского Патриархата принял решение о канонизации преподобноисповедницы Фамари (Марджановой). 28 декабря 2017 года Священный Синод Русской Православной Церкви постановил включить имя святой в месяцеслов, с определением празднования ее памяти 10/23 июня, как это установлено в Грузинской Церкви.

Схиигумения Фамарь, в миру княжна Тамара Александровна Марджанова, родилась в конце шестидесятых годов прошлого столетия. Она происходила из богатой грузинской семьи, получила очень хорошее воспитание и образование.

В семье князей Марджановых атмосфера была более светская, чем церковная: благочестие носило, очевидно, традиционный характер, как во многих светских семьях того времени. Отец Тамары Александровны умер, когда она была еще совсем маленькой, мать умерла, когда ей было двадцать лет.

У Тамары Александровны были большие музыкальные способности, хороший голос; она готовилась к поступлению в Петербургскую консерваторию, когда судьба ее изменялась и приняла совершенно другой оборот. Уже после кончины матери, летом, она с сестрой и двумя младшими братьями гостила у своей тетки, сестры матери, в городе Сигны, недалеко от недавно основанного женского монастыря во имя св. Нины в Бодбе.

Один раз компания молодежи поехала посмотреть на этот новый Бодбийский монастырь. Зашли в церковь: шла будничная служба; на клиросе сама игумения Ювеналия читала канон, несколько сестер пели и прислуживали. Молодежь постояла некоторое время и вышла из церкви, княжна Тамара одна осталась до конца службы. Она внезапно была до того поражена этой службой, этой духовной атмосферой, охватившей ее, что в душе своей немедленно и твердо решила отдать свою жизнь Богу, сделаться монахиней. Дождавшись конца службы, она подошла к матушке игумении, заговорила с ней, сказала о своем желании и просила принять ее в монастырь.

В это время двоюродный брат Тамары, четырнадцатилетний мальчик, вернулся в церковь в поисках Тамары. Он подслушал разговор своей двоюродной сестры с игуменией, рассказал другим, и Тамару подняли на смех: «Тамара хочет быть монашенкой!» Дома рассказал всем родственникам, но ни насмешки, ни уговоры, ни серьезные доводы не могли изменить решения Тамары Александровны. Тогда родные решили всячески развлекать ее, чтобы отвлечь ее от мысли о монастыре. Ее увезли в Тифлис, возили по концертам, театрам.

«Помню, – рассказывала матушка, – что сижу я в театре, а руки в кармане перебирают четки».

В конце концов, видя, что родственники не хотят отпустить ее, княжна Тамара потихоньку ушла из дома и уехала в монастырь. Родные отыскали ее, но игумении Ювеналии удалось уговорить их, и они наконец предоставили Тамаре Александровне идти тем путем, который она избрала.

Матушка жила под непосредственным руководством игумении Ювеналии, к которой очень привязалась. Через некоторое время она была пострижена в рясофор, а затем в мантию с именем тоже Ювеналии. (Владыка Арсений рассказывал, это некоторые люди, находившиеся в церкви во время пострига, видели белого голубя, вившегося над головой матушки.)

В 1902 году игумения Ювеналия-старшая была переведена в Москву и назначена настоятельницей Рождественского монастыря, а Ювеналия-младшая экзархом Грузии была назначена игуменией Бодбийского монастыря. Таким образом, еще совсем молодой матушка стала игуменией монастыря святой равноапостольной Нины, просветительницы Грузии, – монастыря, в котором к тому времени было около трехсот сестер. Матушка сперва очень тосковала в разлуке со старшей игуменией Ювеналией, которая стала ее духовною матерью, заменила ей родную мать. Большую помощь и поддержку оказал ей в то время отец Иоанн Кронштадтский.

Матушка очень любила свой Бодбийский монастырь, любила вспоминать его. Но ей самой недолго пришлось оставаться в нем игуменией.

В 1905 году революционно настроенные горцы часто нападали на мирных грузин-крестьян и всячески притесняли их. Крестьяне обращались за помощью в Бодбийский монастырь, и матушка всех обижаемых брала под свою защиту, помогала им, а иногда оказывала приют в стенах монастыря. Революционеры были сильно раздражены на молодую игумению Ювеналию, подбрасывали анонимные письма с угрозами ей. В Петербурге, в Синоде беспокоились о судьбе матушки, явно подверженной опасности, так как революционеры лично ее ненавидели и покушались на ее жизнь. Указом Святейшего Синода – без желания и даже, можно сказать, против желания матушки – она была переведена из любимого ею Бодбийского монастыря в Москву и назначена настоятельницей Покровской общины. Матушка не любила вспоминать этот период своей жизни.

Монахини Покровской общины работали как сестры милосердия, так же как и сестры Марфо-Мариинской общины, которые монахинями не были. Будучи настоятельницей Покровской общины, матушка очень сблизилась с Великой княгиней Елизаветою Федоровной, создавшей Марфо-Мариинскую общину, всегда вспоминала её и говорила о ней с особым чувством.

Именно так у нее родилось и все больше разгоралось желание уединиться, поселиться в одиночестве около Саровского монастыря, как бы под покровом прп. Серафима, который был ей особенно близок, и там окончить жизнь в молитвенном подвиге. Но там, в Жарове, точнее в Серафимо-Понетаевском монастыре, куда матушка поехала в июне 1908 г. и откуда ходила в Саров, матушка получила как бы повеление от Божией Матери, когда она молилась перед Ее иконой Знамения. Это чудесное внушение повторялось несколько раз, и матушка поняла, что Божия Матерь не хочет, чтобы она кончала жизнь в уединении, а поручает ей создать новый скит не только для себя, но и для других. Все же матушке трудно было отказаться от своего горячего желания уединения, да и боялась она, не было ли повеление Божией Матери искушением. Она решила посоветоваться с опытным духовником и в октябре поехала в Зосимову пустынь к затворнику о. Алексию, который, выслушав матушку, решительно сказал ей, что она не должна уходить на покой для уединенной молитвы, а должна и даже обязана

устроить новый скит, что к этому ее призывает Сама Матерь Божия.

Желая еще и еще раз проверить себя перед началом такого серьезного и большого дела, матушка приехала в Оптину Пустынь посоветоваться с преподобным Анатолием, который тоже настойчиво убеждал ее исполнять поручение, данное ей Самой Божией Матерью. Еще несколько раз матушка ездила за советом к о. Алексию Зосимовскому, который радостно поддерживал ее в создании нового скита. Возвращаясь из последней поездки к отцу Алексию, матушка заехала в Троице-Сергиеву Лавру, чтобы посоветоваться с наместником Лавры о. Товией. В глубине души матушка еще надеялась, что о. Товия, как человек опытный и деловой, отсоветует ей приниматься за такое трудное дело. Но и наместник Лавры, внимательно и с любовью выслушав матушку, решительно и властно благословил ее на создание нового скита.

Таким образом, с советом и благословением старцев – о. Алексия Зосимовского, о. Анатолия Оптинского и о. Товии, наместника Троице-Сергиевой Лавры, – окончательно решено было создание нового Серафимо-Знаменского скита. С явной помощью Божией появились и средства для этого большого дела.

27 июля 1910 года состоялась закладка скита на уже измеренном и распланированном участке. Скит строился с июля 1910 по сентябрь 1912 года. Во всех планах внутреннего и внешнего устройства скита матушка советовалась с владыкой Арсением (Жадановским), ставшим с 1916 года духовником матушки и всех сестер скита (таковым он и оставался до самой своей смерти в 1937 году).

Освящение скита состоялось 29 сентября 1912 года. Освящал скит митрополит Владимир Московский, относившийся к матушке и ее новому скиту с большим и горячим чувством.

Серафимо-Знаменский скит просуществовал всего двенадцать лет. Он был закрыт и уничтожен большевиками в 1924 году. Сестры разошлись в разные стороны. Матушке удалось найти небольшой дом в поселке Перхушково, и она поселилась в нем с десятью сестрами. В отдельном домике помещался священник (иеромонах Филарет [Постников]). Матушка, десять сестер и батюшка – двенадцать человек, «по числу апостолов Христовых», – говорила матушка.

Жизнь в Перхушкове наладилась приблизительно, как и в скиту. Многие приезжали к матушке за советом, наставлением.

В 1931 году матушка была арестована вместе с несколькими сестрами и батюшкой. В тюрьме с нею вместе была ее верная послушница. В камере, где находилась матушка, были разнородные заключенные – и политические, и уголовные. Как-то удалось отделить угол для матушки в общей камере чем-то вроде занавески. Уголовницы часто шумели, начинали петь неприличные песни, но когда матушка просила их перестать, они замолкали – все уважали ее. Когда матушка получала передачи, она оделяла всех, кто был в камере, и все принимали это от нее как бы в благословение.

После приговора матушку сослали в Сибирь, за двести верст от Иркутска. Нечего и говорить, какое это было трудное и утомительное путешествие. В конце пути матушке пришлось идти пешком. С нею в ссылку поехала ее послушница Нюша, простая девушка, любящая и самоотверженная. Известно, что матушка жила в простой крестьянской избе, где ей за печкой был отведен угол. Хозяин этой избы и его сын Ванюша очень полюбили матушку. Уже вернувшись из ссылки, матушка переписывалась с ними, послала в подарок Ванюше отрез на рубашку. А он ей написал: «Жаль, что Вы уехали от нас. У меня теперь баян, я весь день играю, вот Вы бы послушали». Читая это письмо, матушка говорила с улыбкой: «Вот, пожалел меня Господь!»

Как она вынесла тюрьму и три года ссылки при своих больных ногах, с уже обнаружившимся туберкулезом?! Ей помогла ее вера, сила воли и огромная выдержка.

В ссылке матушка должна была, как все административно высланные, два или три раза в месяц являться в местный комиссариат расписываться. Комиссар сначала принимал ее очень сурово, если не враждебно. Но весь облик матушки, какая-то духовная сила, светившаяся в ее глазах, постепенно влияла на этого человека; изменился его суровый тон, он стал иногда разговаривать с матушкой. А когда кончился срок ссылки, и матушка в последний раз пришла в комиссариат расписываться, комиссар тепло простился с ней, сказал, что жалеет, что больше ее не увидит. Матушка ушла, но, отойдя немного по дороге, оглянулась и увидела, что комиссар вышел на крыльцо и провожает ее взглядом.

Матушка давно болела легкими. В ссылке болезнь ее ухудшилась, ей было очень трудно и плохо. В письмах к своим ближним она все повторяла, что хотела бы «вернуться к своим бережкам». И Господь, выполнил ее желание, она чудом осталась жива и «вернулась к своим бережкам».

Ссылка матушки кончилась в 1934 году, весной. Она вернулась и поселилась в маленьком домике в дачном поселке около станции Пионерская Белорусской железной дороги. Она была уже очень больна. В ссылке у нее появились признаки туберкулеза горла; болезнь постепенно уносила ее силы.

Скончалась матушка 10/23 июня 1936 года. Отпевал ее на дому Владыка Арсений. Похоронили ее в Москве, на Введенских горах, недалеко от могилы о. Алексея Мечева.

Могила матушки и теперь цела и в полном порядке. На могиле стоит белый деревянный крест, в который вделаны две иконки – Знамения Божией Матери и прп. Серафима. На нижней перекладине по благословению Владыки Арсения сделана надпись: «Веруяй в Мя имать живот вечный».

Источник: Азбука веры

Спасибо, что читаете вместе с «Азбукой веры».

Другие материалы раздела – azbyka.ru/way

Поддержать портал – azbyka.ru/kak-pomoch